

МИХАИЛ КИЛЬДЯШОВ

ИМЯ ЕМУ — ИВАН

Михаил Чванов. Вышедший из бурана. Книга Бытия. — М.: Вече, 2020.

С некоторой тревогой подступаешь к книге, которую автор писал почти сорок лет. Да, видишь внушительный объём, предчувствуешь грандиозность замысла, сложность сюжета, предвидишь десятки глубоких образов, но всё же — почему такой долгий путь? Наверняка что-то томил, тяготило, рождало сомнения. Может быть, книга не получалась и в итоге не получилась: автор спорил с собой, с собственными идеями и перегорел, за эти сорок лет прожил целую жизнь, начинал работу одним человеком, а завершал уже другим, в ином возрасте и, став зрелым, не узнал себя самого прежнего, не согласился с самим собой. А может быть, получалось, но в результате не получилось: шло хорошо, затягивало, замысел разрастался, сюжет разветвлялся, но, так бывает, написал последнюю страницу, последнее предложение, поставил точку, отошёл на некоторое расстояние от сделанного, посмотрел отстранённо, почтительно — и увидел, что всё рассыпается, разбегается.

С такими опасениями открывал я роман Михаила Чванова “Вышедший из бурана. Книга Бытия”. Но, прочитав, с радостным сердцем понял: книга получалась и получилась. Автор с полным творческим правом обнародовал её. Объёмная, долгая, потому что, действительно, “Книга Бытия”, новая эпопея в русской литературе: человек в водовороте истории. Вся жизнь автора, все его мысли, всё прежде написанное им стремилось к этой книге, вливалось в неё, как реки в море. Верю, что Михаил Чванов напишет ещё многое, но всё это теперь будет с оглядкой на “Книгу Бытия”, как на вершину, которую покорил.

Роман-эссе — так определил жанр книги сам автор. Если поэтов года клонят “к суровой прозе”, то прозаиков — к публицистике. Даже в художественном всегда будет нескрываемое публицистическое. Так “Дневник писателя” проникал в романы Достоевского. Так в “Жизни Клима Самгина” Горького говорили не люди, а идеи. Так последние повести Валентина Распутина похожи на философские размышления, скреплённые сюжетом. Зрелый прозаик не гонится, как в молодости, за яркой метафорой, за словом, преобразующим повседневный язык, — это приходит уже само собой, от мастерства, от неутраченного наития. Главное в зрелости — идея, высказанная порой без старательной сюжетной подводки, но чётко, плотно, густо, без воды и тумана.

Роман Чванова — это преимущественно монологи и диалоги. В них спор зеков ГУЛага превращается в учёный диспут; разговор влюблённых может обратиться в лекцию по русской истории; беседа с монахом или странником — в притчу. Герои будут по памяти цитировать объёмные фрагменты из философских трактатов и древнерусских рукописей. Читатель, хорошо знакомый

с творчеством Чванова, узнает в романе его прежние эссе об Аксакове, о Табынской иконе Божьей Матери, ушедшей в изгнание в гражданскую войну с атаманом Дутовым в Китай. На страницах романа присутствуют Януш Корчак, директор детского дома в Варшаве, добровольно пошедший в газовую камеру вместе со своими воспитанниками, немецкий философ Вальтер Шубарт, беззаветно любящий Россию, предсказывающий её особую духовную роль в будущем мироустройстве планеты и сгинувший без вести в ГУЛаге, вторящий Вальтеру Шубарту великий норвежский учёный Фритьоф Нансен, замечательный русский поэт Василий Наседкин, расстрелянный на Лубянке в 1938 году. В романе всё это сплотится в особую вселенную, расцветёт “садом ослепительных планет”, каждая судьба будет нанизана на единую ось времени. И читатель примет такой принцип повествования: в нынешнюю, изголодавшуюся по идеям пору мысль для него важнее и нужнее эстетики.

Главный герой романа – Иван. Он проходит через весь русский XX век: от гражданской войны через лагерь ГУЛага, Великую Отечественную, снова ГУЛаг, Афганистан, так называемую перестройку, убийство красной империи – к присоединению Крыма, с которого начинается не календарный, но фактический XXI век. На пути Ивану встречаются зеки и вертухаи, крестьяне и профессора философии, бюрократы и мечтатели, предатели и герои, грешники и святые. Иван осилил этот путь в столетие, потому что был многолик. Иван Лыков – узник фашистских лагерей и ГУЛага, колымский пленник, в трагической безысходности во время окружения Второй Ударной армии в страшном Мясном бору сменивший фамилию, но не предавший первородства, ставший Надеждиным, даровавший надежду грядущим поколениям своего рода. Иван – сын Ивана, покинувший Колыму, родительские могилы ради восстановления родового села близ древнего Великого Новгорода. Другой Иван, ставший в постриге монахом Зосимой: ещё живя в миру, ещё в детстве он уже был неотмирным, был “иванопланетянином”, художником с извечной русской тоской по Высокому Небу, в конце романа он уходит в Китай смертным путём Табынской иконы вместе с умирающими в пути десятками тысяч беженцев, в надежде найти её и вернуть тем же смертным путём, потому как считает, что, пока Икона не вернётся в Россию, Россия будет метаться в поисках своего будущего. Другой русский Иван – Владыка Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычёв) – русский утешитель среди непрестанных скорбей, русский проводник и воитель в непроглядном мороке 90-х годов, тот, кто собрал на себя все силы тьмы, принял на себя их удар, заслонив Отечество. Книга посвящена известному лагерному сидельцу, золотоискателю и предпринимателю Вадиму Туманову, Иванову-сыну – не тонущему в воде, не горящему в огне, поправшему льва и змия, за колючей проволокой возродившему древнюю форму отечественного хозяйствования – русскую старательскую артель, что тогда невозможно было сделать на воле. Вышедший из лагеря, он готов на переломе судьбы России торить её новый путь, взвалить на свои плечи её заботы, за что его снова пытаются закрыть за колючую проволоку. Когда на Туманова было заведено очередное уголовное дело уже при новой, “демократической”, ельцинско-гайдаровской власти, на вопрос журналиста следователю, ведшему его дело: “Вы хоть знаете, кого снова пытаетесь запереть за колючую проволоку?” – тот ответил: “Знаю. Ему быть бы премьер-министром, он вытянул бы страну из болота, в которое её завели. Но у меня заказ...”

Эти Иваны, порой идя одновременно, рядом друг с другом, чаще же передавая друг другу эстафету истории, осилили путь длиною в столетие. В их лицах и ликах явлен извечный русский Иван – тот, что был, есть и пребудет в бесконечном русском времени. Он и Апостол, и Предтеча, и Златоуст, и Богослов, и Лествичник. Он предрекает грядущее, ведает концы и начала, созидаёт лестницу от Земли к Небу. Он ищет оправдание России.

Есть такое богословское понятие: “теодицея” – “оправдание Бога”. Через него пытаются объяснить, как при всеблаготворительной воле в мире возможно зло. Так вот, роман Михаила Чванова – это “Россия-дицея”: размышление над тем, почему спасительница всего мира Россия так часто попирает саму себя. Почему русский человек – душа, совесть, сила всего мироздания – порой неудержимо срывается в бездну? Почему мы, всегда сплочённые перед внешним врагом, бываем так разобщены в собственном доме, и вместо того, чтобы, наконец, навести в нём порядок, раскалываемся на партии

и секты, не знаем удержу, если брат пошёл на брата? В чём разгадка, оправдание, вселенская необходимость русского человека, русской души, русской истории?

Дьявол с Богом борется, а поле битвы — Россия. “Русские — это не национальность, это — судьба, — вслед за русскими мыслителями прошлого утверждает Михаил Чванов. — Русский всечеловек противостоит сверхчеловеку и античеловеку. Смысл русской земной истории — “преобладание добра над злом”. И только когда добро торжествует и возможно стяжание Царствия Небесного. В этом и есть смысл России, а значит, и смысл каждого русского человека: “Временное торжество зла Бог попускает, чтобы люди на личном опыте узнавали пагубность отклонения от Истины и сознательно возвращались к ней”.

Борьба со злом — всегда путь. Священник и учёный отец Павел Флоренский, который в жизни и на страницах книги даже после расстрельной пули продолжал поддерживать людей, оказавшихся на краю бездны, однажды сказал: “Надо идти впереди века, даже если век идёт назад”. Только тогда есть возможность выправить лукавый путь. Россия — одновременно разведка, авангард и щит мира.

А дорогу торит русский Иван. Им движет сретенье, жажда встречи, надежда на то, что из непроглядного бурана выйдет незнакомец, укажет, может быть, не самый лёгкий и короткий, но верный путь, уймёт буран, развеет ненастье. Кто этот незнакомец?

Может быть, твой пращур: он старше тебя на столетие или даже несколько столетий. Он так долго искал тебя, скитался по всем русским временам и пространствам, так долго ждал твоего рождения. И вот дождался.

А может быть, Вышедший из Бурана — Он Сам. Поступь Его — надснежная: спешит за ним, не потеряй из виду Проводника. Идёт Господь по земле странником и, страдая, наблюдает, как люди, которым дана свобода воли, ищут дорогу к Нему, часто на ложных путях.